

Мои дорогие односельчане

События, совершившиеся 30 лет назад, так свежи в памяти, что кажется произошли они только вчера. Все тридцать лет плывут, плывут перед глазами дорогие лица.

Много моих односельчан погибло. Как живые стоят перед глазами, всегда задумчивый Виктор Тихонов, веселый Вася Кузнецов, добродушные Лев и Валентин Сорокины, умный и серьезный Женья Краев...

Вот трое Федотовых: Венедикт, Николай, Виктор. Старший из них Венедикт первый принял на себя удар фашистов ранним утром 22 июня 1941 года. Почти год он уже служил на западной границе. В бою был ранен, взят в плен, несколько раз бежал из немецких лагерей, но добраться до своих не удалось.

Николай окончил курсы связистов, хорошо владел немецким языком, часто бывал во вражеском тылу. Фронтная газета писала, что это был прирожденный командир. Сам он писал так: «Профессию свою я освоил хорошо, но скоро расстанусь с ней без сожаления и буду осваивать другую. Вот только добьем фашистов... Получил письмо от брата Виктора. Он где-то рядом со мной давит фашистов на своем танке. Мы скоро с ним увидимся...»

Но они не встретились. 6 апреля 1945 года Николай был ранен, увезен в город Брно, а 14 апреля умер на руках сестры Оли Золотовской.

«...Ухаживала за ним лучшая сестра нашего госпиталя, умер он тихо и спокойно, — писала врач, лечившая

Николая. — Умер, чтобы другие спокойно жили...».

А 25 апреля ранен Виктор. В этот же день изловлен и замучен эсэсовцами Венедикт, пробивавшийся к своим с группой пленных. Окрестности города Вены стали местом гибели троих братьев Федотовых. Но об этом еще никто не знал.

11 апреля получено извещение о гибели Михаила Синева. Слезы и стон в нашей семье. Потом пришла радость — воскрес из мертвых брат Михаил, прошедший «все огни, воды и медные трубы», (как он писал). Радость, несказанная радость!

Утром, 21 мая, две худенькие женские фигурки, шатаясь, спускались с крыльца райвоенкомата, а в их ушах страшным гулом звучали слова: «Старший лейтенант Николай Александрович Федотов умер от ран».

Через месяц пришло извещение о смерти Виктора. Потом стали приходить письма от товарищей Венедикта. До сих пор стоит перед глазами бескровное лицо Анны Васильевны Федотовой, матери этих троих ребят, а в ушах бьется отчаянный крик их сестренки: «Нет! Никого нет! Все погибли».

И последний роковой удар. В ясный августовский полдень почтальон принес сразу два письма: одно, с неизменным тихим юмором, полное жизни и надежд на встречу и близкое счастье от брата Михаила. Другое — от его товарища с подробностями трагической смерти: «...разорвался фаустпатрон и — не стало Миши». Оба письма датированы одним числом. Окаменела

другая мать, поникли головы братишек.

Много воды утекло с тех пор, много гроз прошумело над головой, но ничто не стерло, не вырвало из памяти прошлого, такого близкого и такого далекого. И часто, как наяву, смеется и плачет мандолина в руках Венедикта, льется голубой свет из его глаз, звучит задушевная песня. Часто встает перед глазами высокая фигура Николая с копной белокурых волос, спокойно и серьезно смотрят серые глаза и звучат, звучат стихи Пушкина, Лермонтова и Маяковского, которые он так любил и так хорошо читал.

Широкой волной разливается голос Виктора, сыплются искры из его теплых озорных глаз. Сидит у патефона Синева Миша, слушает музыку с закрытыми глазами и тихой улыбкой. Иногда сам напевает, иногда играет на гитаре. Слышится родной голос.

Пятым был Хазов

Александр. Он жив. Но у него давно седая голова. Он перенес все ужасы фашистского плена, потому что был захвачен в госпитале и замурован в подземном заводе.

В этот же апрель советские солдаты на руках вынесли из подземелья тех, кто остался жив. Среди них был и Саша Хазов, вернее его скелет, весом в 36 кг. Направили в госпиталь, вылечили. Демобилизовался Саша в 1947 году. Теперь живет в Пензе. Прислал посылку с материалами военных лет, просит не забывать о погибших. Сам собирает и печатает воспоминания о тех, кто добыл нам победу ценой своих жизней.

Нет! Мы ничего и никого не забыли! Такое позабыть нельзя!

Забывать... Разве такое можно забыть. Сердце — это книга. Воспоминания читают его листы.

К. СИНЕВА.
д. Гузово.

НА СНИМКЕ: А. Хазов.